

A.I. HERZEN: THE CONTEXT OF MUSICAL CO-BEING**А.И. ГЕРЦЕН: КОНТЕКСТ МУЗЫКАЛЬНЫХ СО-БЫТИЙ****Voronina N.I. \ Воронина Н.И.***d.filos.n., prof. \ д.филос. н., проф.*

ORCID:0000-0002-6821-828X

SPIN:1783-1554

Sirotnina I.L. \ Сиротина И.Л.*d.filos.n., prof. \ д.филос. н., проф.*

ORCID:0000-0003-4498-5529

SPIN:4034-0766

*N.P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia,**Bolshevistskaya, 68, 430005**Мордовский государственный университет им Н.П. Огарева,**Саранск, Россия, Большевикская, 68, 430005*

Аннотация. В работе показаны многообразные общения русского писателя XIX в. А.И. Герцена в мире музыки, серьезные и глубокие впечатления и осмысление этого вида искусства в его взаимодействии с обществом. Проблемы музыки, затрагиваемые Герценом, не всегда лежат на поверхности, однако любой ее слой дает не просто интересный, но и плодотворный с научной точки зрения результат, который как бы по-новому, изнутри освещает не только личностный событийный контекст самого писателя, но и художественные процессы минувшей эпохи.

Ключевые слова: А.И. Герцен, искусство, музыка, контекст, эпоха, событие, «Былое и Думы», личность.

Вступление. А.И. Герцен в истории культуры традиционно определяется как революционер-демократ. Многоаспектность научных исследований его жизни, казалось бы, давно исчерпала тему. Все вопросы решены. Искать уже нечего. И, тем не менее, обращаясь к какой-либо частной проблеме, каждый раз наталкиваешься на неизведанное, открывая новые горизонты исследования.

В данном случае и избранная тема нарушает сложившуюся традицию, разбивает стереотип восприятия этого имени. Герцен и вдруг музыка?! Возможно ли, если учесть, что в XIX в. музыка за ним утвердилась в качестве единственного «белого пятна»? Возможно ли, если А.И. Герцен не оставил специальных работ в области музыки? Логично ли в одном ряду со взглядами Герцена рассматривать музыкальное творчество его близких друзей Н.П. Огарева, Н.В. Станкевича, В.П. Боткина?

Ответить на поставленные вопросы можно, лишь обратившись к новым социальным формам существования музыки в 20-е и особенно в 30-40-е гг. XIX в. В указанный период наметившиеся новые черты в восприятии музыки принесли русскому самосознанию идею понимания музыки как содержательного и смыслового искусства (в отличие от утвердившегося – знание, наука или только развлечение). Музыка в русском обществе становилась постепенно синтезирующим, интегрирующим началом жизни, мысли, чувства. Премьеры опер М.И. Глинки «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила», исполнение новых романсов А.А. Алябьева или А.С. Даргомыжского, песен Ф. Шуберта являлись событиями огромной жизненной важности.

Основной текст. Всеобщий взрыв музыкально-стихийного подрывал старые основы музыкального восприятия, вносил сумятицу в музыкальную жизнь, в академические формы распространения музыки, в то же время вызывал к жизни новые параметры ее осмысления. Стихия музыки становилась фактором и фактом философской мысли, прежде всего, в публицистике и в литературном творчестве, приобретая колоссальный общественный резонанс.

Мог ли Герцен оставаться в стороне от столь бурного процесса? Конечно, он не вникал в детали и подробности, как его друзья Огарев и Боткин, но ритмы музыкальных приливов и отливов в обществе – музыка истории – вот что волновало Герцена. Музыка, создающая в объединяющем русле и уникальное многообразие человеческой жизни в ее конкретности, и общность ее другим людям.

Герцен обладал не только мощным умом, но и великой душой, и это отразилось в его глубоких суждениях о мировой художественной культуре в его философском, литературно-критическом, художественном творчестве и богатейшей переписке.

Летопись его жизни – это отчасти и летопись культурной жизни тех городов и стран, где он находился. Герцен стремился нарисовать художественное полотно эпохи, запечатлеть яркими красками ее знаменательные события.

В «великой исторической классике» или «пространной мемуарной хронике» (так Д.С. Мирский определяет жанр «Былого и Дум») [1, с. 331] Герцена музыке писатель уделяет много внимания, придавая ей большую социальную значимость. Различные исторические ситуации по-разному влияли на выбор «озвучивания» картин. И именно так он воспринимал музыку мира. Поводом для осмысления музыки в его воспоминаниях чаще всего становились или разногласия принципиального, идейного характера, как, например, «изобретение народного гимна по Себастиану Баху» [2, т. X, с. 137], или утверждение своей определенной, сознательно выраженной тенденции, за которую он боролся страстно и убежденно: «ею (трибуной музыкального театра. – Н.В.) могут разрешаться многие вопросы современности...» [там же]. Он же устраивает «философское следствие» Россини, Моцарту, Бетховену, Шуберту, Листу, Вагнеру – новому типу романтического художника.

Ему нравятся протяжные русские народные песни; он получает «пантеистическое» наслаждение от песен Шуберта; в одном случае описывает «царскую» кадрили, в другом – «святую» песню гугенотов – «Марсельезу»; слушает в исполнении А. Рейхеля бетховенские сонаты и симфонии. Однажды тот же Рейхель «пел и играл» Герцену «от доски до доски» всю оперу Моцарта «Волшебная флейта» [2, т. VI, с.40-42; т. XXIII, с.172]. Произведения Баха и Гайдна, Доницетти и Шопена, Чимарозы и Россини, Бортнянского и Глинки, симфонии и квартеты, песни и романсы, оперы, оперетты и водевили, балетные спектакли и характерные танцы, оркестры и выступления солистов на разных инструментах, упоминаемые им, рисуют широкую панораму его музыкальных интересов.

Особо Герцен любил русскую народную песню, часто он через русскую

песенность добивался эмоциональной насыщенности образов. Интересны философские обобщения писателя о музыкальном творчестве народа как среде, питающей живительными соками профессиональное музыкальное искусство (при том, что совсем не понял и отрицал значение оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя»). Тем не менее, через интонационный строй народной музыки он вычленяет: национально-стихийное, драматическое в «диких концертах цыган», оригинально-ритмическое – в военной музыке, «клик радости, победы, силы, мощи и торжественности» в военной музыке.

Герцен обращается к музыке чаще в минуты высочайшего эмоционального подъема, когда слова бессильны: «музыка, одна музыка, неопределенная, таинственная, перенесет душе ощущение другой души» [2, т. XXI, с. 19].

Разумеется, Герцен нередко бывал пристрастен. Часто в опере отдавал предпочтение сюжету, не замечал слабых сторон музыки («Финелла» Обера), иногда явно несправедливо» И может быть, слишком поспешно выносил «приговор» новым сочинениям Верди, Вагнера. В «Былом и дум» он обходит молчанием вопрос «Жизни за царя» и вообще не обсуждает проблемы русской музыки, только однажды отметив саркастическим упреком трагедию развивающейся русской национальной музыкальной культуры: И все же трагедия развивающейся русской национальной музыкальной культуры на страницах «Былого и дум» отмечена саркастическим упреком: «Желая везде и во всем убить всякий дух независимости, личности, фантазии, воли, Николай... запретил писать русские оперы, находя, что даже написанные в III отделении собственной канцелярии флигель-адъютантом Львовым никуда не годятся. Но это еще мало – ему бы издать собрание высочайше утвержденных мотивов» (2, т. VIII, с. 286).

Исследуя концепцию музыки на страницах «Былого и дум», возможно выделить три принципа событийного контекста. Первый – это искусство в целом, отражение, так или иначе, музыки в собственном опыте. Второй – это искусство анализа музыкальных явлений, процессов, а также конкретных музыкальных сочинений или творчества композиторов. Третий принцип – это описание результатов общения с музыкой.

Заключение и выводы. Таким образом, Герцен в своих размышлениях о музыке, с одной стороны, определяет способ существования музыкального произведения, как феномена общественного сознания, что в перспективе дает возможность анализировать конкретные формы его бытия. А с другой стороны, – музыкальное произведение рассматривается им как эстетический и художественный феномен.

Были рассмотрены опыты осмысления музыкального искусства Герценом.

Были получены сущностные характеристики музыкальных взглядов Герцена:

1. Отражение искусства в целом и музыки отдельно в собственном опыте.
2. Описание музыкальных явлений, процессов, а также конкретных музыкальных сочинений или творчества композитора, причем, весьма специфично.
3. Описание результатов общения с музыкой, которые часто становились

настолько живыми в его литературных сочинениях, что вызывали эмоциональный отклик, будили творческое воображение и тем самым настраивали на музыкальное, образное восприятие текста, а значит, через литературу читатель становился одновременно слушателем.

Литература:

1. Мирский Д.С. История русской литературы с древнейших времён до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – С. 331–339.

2. Герцен А.И. Собр. соч.: в XXX т. / [Ред. коллегия: В. П. Волгин (Гл. ред.) и др.] ; Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. - Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1954-1966.

***Abstract.** The work shows the diverse communication of the Russian writer of the nineteenth century. A.I. Herzen in the world of music, serious and deep impressions and understanding of this type of art in its interaction with society. Herzen's problems of music do not always lie on the surface, but any layer of it gives not only an interesting, but also scientifically fruitful result, which, as it were, in a new way, from within illuminates not only the personal eventual context the writer himself, but also the artistic processes of the past era. The introduction explains why the theme of music in Herzen's life is logical to consider. In the main part, based on specific examples from Herzen's works and his correspondence, the author presents different Herzen's positions in relation to music: impressions of heard symphonic, opera, instrumental works and Russian folk songs, his criticism of opera librettos, musical dialogues with friends, etc. In conclusion the author summarizes and formulates the essential characteristics of Herzen's musical views.*

***Keywords:** A.I. Herzen, art, music, context, era, co-being, "The Past and the Duma," personality.*